Бурлимова Ирина Николаевна

20.12.1993 №52

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В КЛЕТКЕ, или Львиное сердце

Собеседник. — 1993. — №52 — с.10

Признаться, я никогда не любила цирка, и праздничных ассоциаций он у меня не вызывал. Всегда чувствовалось в нем какое-то напряжение — что в акробатах, что в дрессированных животных. После трудного трюка грудь гимнастки вздымается гораздо сильнее, чем уверяет ее улыбка,— Набоков неоспоримо прав. Цирк — это блеск пота, сверкание блесток, яркие костюмы и напряженные мускулы, кнуты и пряники, ужас задравших головы зрителей. Цирк сложно причислить к искусству: в литературе и живописи, само собой, падение болезненно, но в цирке оно куда ощутимей. Там по-настоящему срываются с каната, казавшегося протоптанной дорожкой. Без страховки разобьешься, а застрахованному канатоходцу не верят. Но самым жутким и характерным открытием для меня стал тот факт, что дрессировщику никак нельзя падать в клетке. Самый благожелательный хищник, забыв о навыках и годах взаимопонимания, может кинуться и растерзать: львы нападают именно на лежачего, не терпя бессилия. Этот закон сбывается и в нашем мире: не падать в клетке — под клеткой понимай все что хочешь, от любви до тоталитаризма.

Но сегодня речь о клетке конкретной. Со львами, тиграми и тигрольвами (был у нашей героини и такой). О воспитанных хищниках, в которых нет-нет да и проснется зверь. Тон и правила здесь задает человек — Ирина Бугримова. Женщина-легенда, первая в СССР дрессировщица хищников, воспитавшая больше 80 львов и работавшая всегда без помощников. Бывало, она работала в клетке одна с двенадцатью львами, без всякой защиты — обворожительная улыбка не в счет. Такой расклад заставляет задуматься: может, это и есть подлинное искусство?! Искусство, в котором художник буквально рискует головой, ибо Бугримова первой в мире положила голову в львиную пасть.

Алексей Толстой, зайдя за кулисы после представления, долго тряс мне руку и высказался: «Вот — искусство без дураков!» Никакая нечестная игра в нашем деле невозможна. В театре, например, после неверного жеста или фальшивой ноты зритель, даже самый привередливый, на вас не кинется. А лев принимает за попытку нападения любой случайный жест, не прокатанный на сотне репетиций.

— Вы из потомственных цирковых?

— Что вы! Мой отец — профессор ветеринарии, мать — дочь адмирала Федоровича. Когда мне было семь лет, началась революция, я ее хорошо помню. Маму посадили как недорезанную представительницу буржуазии. А мне было велено забыть французский, по знанию которого определялся классовый враг. Я его действительно забыла — только выговор остался. Во Франции на гастролях все удивлялись: откуда такой прононс — при незнании языка?

— Как же вы, при этаком происхождении, к львам попали?

— Долгая история. Сначала я решила стать балериной. И стала. Но балет, знаете, слишком строгое искусство: там нет ни риска, ни возможности быть первой... А я люблю и то, и другое. Потом увлеклась спортом: в те годы было в моде многоборье, и я стала чемпионкой Украины. Ездила на мотоцикле, толкала ядро... В двадцатые годы показывали море американских трюковых фильмов — и я решила стать трюковой артисткой кино. Мы с моим первым мужем делали сложнейший цирковой аттракцион — «Полет на санях», но и этот успех скоро наскучил. Я вспомнила о своей детской любви к лошадям, сделала номер «Школа верховой езды». А потом мне предложили стать дрессировщицей, и на этом я задержалась надолго.

— Если вы оставляли все, в чем добивались совершенства, почему остановились на львах?

— Ну ведь лев — царь зверей! Дальше было просто некуда... Подчинить льва — пик моих возможностей.

Я всю жизнь работаю одна. Обычно дрессировщицу страхует мужчина. Помогает устанавливать тумбы для львов, например. А я со всем управлялась — я сильная. Отчасти поэтому, кстати, я и развелась с мужем: отходить на второй план при его честолюбии было немыслимо, а работать на равных он не мог.

— Что нужно делать, когда впервые входишь в клетку со львом?

— Наташа, да кто же пойдет в клетку к незнакомому взрослому льву?! Моих первых львов — Кая, Юлия и Цезаря — я сама вырастила, иначе как же их воспитаешь... Всех своих львов я растила, как настоящая львица-мать. Разговаривала, пела колыбельные и воспитывала так, как считала нужным.

— А дети у вас есть?

— Нет. Ну, продолжим о львах: пособий по дрессировке тогда не было. Все — сама.

Тут две опасности: запугать и заласкать.

— А что более действенно — кнут или пряник?

— Чувство меры. Вообще, я вам скажу, строгость необходима: любовь и ласка, разумеется, тоже, но... С животным нельзя обращаться, как с рабом. Надо — как с ребенком. Вы же шлепнете ребенка по рукам, если он позволит себе лишнее?

— А страшно вам с ними не было?

— Никогда. Иначе мы бы сейчас не беседовали. Если замечаешь у зверей какую-то нервозность, настороженность, готовность к прыжку, главное — не паниковать и держать ситуацию под контролем. Не давать опомниться и быстро проводить номер. Они только тогда и слушаются, когда чувствуют, что их не боятся. Только не унижать: они при первой оплошности припомнят все. Они ведь стадные животные: занервничал один — в драку ввязываются остальные. Только однажды на моей памяти этот инстинкт не сработал. Все взбунтовались — а мой Цезарь на меня не напал. Я его больше всех любила. У меня в шкатулке хранится его коготь — коготь, которым он ни разу не ударил человека. Он был мудрый красавец. Был такой номер: я ложилась на живой ковер из львов, клала голову в пасть Цезаря, потом накрывалась его огромной лапой и так замирала на несколько секунд. И Цезарь чувствовал себя моим помощником, союзником — он не раз был готов за меня вступиться, если другие львы не слушались.

— А во время конфликта с администрацией?

— Думаю, что если бы я захотела... Но это уже фантастические предположения. Цезарь мой умер 24 марта 1961 года. Я о нем всегда помню...

— С кем вам было труднее общаться — со львами или с людьми?

— Я воздержалась бы от таких сравнений. Человек — существо достаточно разумное, хоть и не всякий; разум ему позволяет и убийство совершить, и ближнего унизить. Человек слишком сложно устроен, чтобы всегда слушаться совести... А у льва есть инстинкты, которые можно развить или приглушить, но в глубине его львиной души они незыблемы. В своем поведении лев следует простым и четким законам. Он, в отличие от человека, честное животное, нападающее в открытую.

— А за что можно получить удар от льва?

— Надо четко отрабатывать затверженные мизансцены, не меняя ритма и порядка. Я с самого начала выработала стиль поведения на арене — уверенный и пластичный. Иногда достаточно улыбки в зал, чтобы вызвать аплодисменты. Без промахов, конечно, не обходится. Один раз сделала неверный жест, в другой раз подвернула ногу, потеряла равновесие — лев, увидев слабость, настораживается мгновенно.

— И что тогда?

— Помню я румынскую дрессировщицу... О мертвых — или хорошо, или ничего, но не захотела я с ней работать. Легкомыслие какое-то мне почудилось. Она больше любовалась собой, чем занималась львами. Она взмахнула рукой, проходя мимо львов... Лев в ответ взмахнул лапой, удар пришелся ей прямо в грудь. Она упала, к ней кинулись остальные — с трудом удалось их отогнать. Увы, уже от трупа...

Меня рвали довольно часто. Когда-то мне спасли ногу только благодаря тому, что своевременно изобрели пенициллин. В Польше у нас была сложная ситуация со львом Грифом — он проявлял агрессию, и вообще день был какой-то неудачный, львы чувствуют такие вещи... Гриф решил, что я иду на него, размахнулся и ударил меня по лицу. В первый момент я решила, что потеряла глаз, что лицо изуродовано и с работой придется проститься. Какое-то время после операции я ходила в черных очках. Но в Союзе, слава Богу, мне вернули прежний облик. Хотя, если приглядеться, левая часть лица до сих пор чуть отличается от правой. Часто львы рвали мне ноги, вырвано сухожилие на руке...

— Львов наказывают за подобные вещи?

— Знаете, когда я начинаю вспоминать, что же их заставило так разволноваться,— почти всегда прихожу к выводу, что была виновата сама. Правда, причиной возбуждения может быть любая непредсказуемая мелочь. Скажем, мимо клетки пробежала девочка в меховом пальто. Они на мех так болезненно реагируют... И вообще: ну как накажешь животное, которое и так живет в несвободе, в чужой стихии? Лев всегда прав, извините за каламбур. Просто надо помнить, что перед тобой хищник, и не доверять ему до конца. Собачья преданность не по нему. И потом, он только выглядит грозным, а ведь в нашем мире лев беззащитен, как дикарь в городе. Они часто болеют, лечить их трудно. Так тяжело, когда им плохо! Цезарь, когда не мог выходить на арену, бился о прутья клетки, думая, что его забыли...

— Значит, лев любит работать на арене?

— При грамотной дрессировке — да, это удовольствие. И у многих львов я видела такой профессионализм, до какого людям далеко. У меня было два роскошных, гривастых льва. Никто так и не узнал, что они почти слепые.

— У вас есть ученики?

— Настоящим учеником я могу назвать только Борю Бирюкова. Я, разумеется, не передавала ему львов — их каждый должен воспитывать сам. Некоторых моих трюков так и не повторил никто. Ни у кого в мире, насколько я знаю, лев не ходил по канату и не качался на качелях.

— А вам не кажется, что цирк отчасти воспитывает в людях жестокость?

— Цирк?.. Никак не больше, чем вся остальная жизнь. Другое дело, что в цирке все на виду. Постоянный риск. Но жестокость тут непростительна. Я знаю дрессировщиков, которые перенимали мои приемы и хорошо освоили технику. Но они злые, понимаете? Цирк — это как раз добро, любовь. И если вы думаете, что оттуда не больно уходить...

Точку в своей карьере Бугримова поставила блистательно. 1975 год. В цирке на проспекте Вернадского — представление в честь Года женщины. Бугримова выходила на арену в длинном белом платье, с цветами в руках. Она олицетворяла женщин мира.

Бугримова — знак времени, мета эпохи. Но цирк не бывает декадентским или соцреалистическим. Он — искусство безотносительное, наглядное. И, как мы понимаем теперь, только голубая кровь могла заставить женщину не бегать по замкнутому кругу жизни, а стать первой во всем. Лучшей дрессировщицей мира, что признается всеми.

Связи с цирком она не потеряла. А уж львы вошли в ее жизнь навсегда и прочно. Они — в толстых альбомах, в афишах на стенах, в статуэтках, в кольцах. И даже в ее домашнем коте, которого она воспитала серьезным, свободным и в меру диким красавцем.

Наталья БЕЛЮШИНА.